

К этимологии севернорусского пендус /пентус / пенус⁴⁶

В севернорусских говорах широко распространен географический термин *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус*. В ранних лексикографических фиксациях семантика этого слова формулируется следующим образом: *пéндус* 'топкое болото, выкашиваемое в засуху' (Арх) [Даль² 3, 29], *пéнус* 'сеносное болото, никому не принадлежащее, с которого собирают сено только во время засухи' (Шенк) [Опыт, 154], 'поросшее травой болото, на котором косят сено только во время засухи' (Шенк) [Подвысоцкий, 118], 'болото с травянистым покровом, поросшим карликовой березкой' (Каргоп) [Куликовский, 79]. Данные СРНГ немногим расширяют представление о значениях и распространении лексемы: *пéндус* 'топкое, болотистое место' (Кадн, Тот), 'болотистое место на покосе' (Кадн), 'топкий берег; вообще топкое место', *пéнтус* 'топкое, болотистое место' (Вель, Уст), 'болотистое место, поросшее травой' (Карг), *пéнтус* 'сырой осотистый покос' (С-Двин) [СРНГ 25, 337], *пéнушь* 'болото; болотистое место в лесу, поросшее травой, годной для кошения' (Арх, Беломор), *пенусина* 'осока' (Арх) [СРНГ 25, 344].

Более подробно слово описано в региональных диалектных словарях: *пéндус* 'зыбкое, топкое место на болоте' (Вель, Сок), 'болото' (Сямж), 'ключ, родник' (Вож), 'покос в сыром месте' (Сок), 'сырой, заболоченный луг' (Тарн), *пендуса́* 'сырое, заболоченное место' (Сямж), *пендусина́* 'сырой, заболоченный берег реки' (Вож), 'покос в сыром месте', 'зыбкое, топкое место на болоте' (Сямж), *пéнтус* 'кочка на лугу' (Тот), *пéнтус* 'низина, по которой течет вода' (В-Уст), *пентусина́* 'болото' (Сямж), 'сырое, заболоченное место' (Сок), *пéндус*, *пéнтус*, *пéнтус*, *пéнус* 'болотная трава' (Баб, В-Важ, Ник, Нюкс, Сямж), *пендусина́*, *пентусина́* 'то же' (В-Важ, Влгд, Нюкс, Сямж), *пентусина́* 'плохое, не обладающее должным качеством сено' (Тот), *пíндус* 'остров на реке' (Вель) [СВГ 7, 23–24]; *пéнтус* 'заросшее кустарником место на покосе' (Карг), *пéнус* 'сорная трава' (Карг, Плес, Пудож) [СРГК 4, 423–424].

Ареал рассматриваемой лексемы, ее фонетическое, словообразовательное и семантическое варьирование наиболее точно определяются по данным КСГРС. Лексемы с начальным *пенд-* представлены в полевых материалах следующим образом: *пéндуз* 'сырое место на пожне' (К-Г), *пéндус* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки, болото' (Бабуш, В-Важ, Вель, Вож, К-Г, Кон, Ник, Сок, Сямж, Тарн, Тот, У-Куб,

⁴⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ (грант PD02–3.17–5).

Уст. Хар). 'покос на сыром, заболоченном месте' (Бабуш, В-Важ, Вель, Вож, К-Г, Кон, М-Реч, Сок, Сямж, Тарн, Тот, У-Куб, Уст), 'вырубленный участок леса' (Бабуш, Вож), 'густая поросль молодых деревьев' (Кон), 'глубокое место в реке с медленным течением; плес' (Вель), 'трава, растущая на сыром месте' (Бабуш, В-Важ, Вель, Вож, Кон, Сямж, Хар), *пéндус* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (В-Т, Уст), *пендусина* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (Бабуш, В-Важ, Вель, К-Г, Кон, Ник, Сок, Тот, Уст, Хар), 'сырое место' (Бабуш), 'покос на сыром, заболоченном месте' (Бабуш, Вель, К-Г, Сямж, У-Куб, Хар), 'густая поросль молодых деревьев' (Вель), 'трава, растущая на сыром месте' (Бабуш, В-Важ, Вель, Кон, Плес, Сямж, Тарн, Тот, У-Куб, Хар), 'нестроевое дерево с мягкой, рыхлой древесиной' (Сямж), *пендусина* 'вязкое болотистое место' (Тарн), *пендусинка* 'трава, растущая на сыром месте' (Вель), *пендусиное сено* 'сено с сырого места' (Кон), *пендусок* 'покос на сыром месте' (Бабуш). Следует особо отметить также фиксацию лексемы в варианте, неосложненном финалью -ус: *пéнда* 'мель на реке' (Вож), 'топкое болото' (Прим). В пограничном с вологодским регионом Кологривском районе Костромской области в ЛК ТЭ отмечено также *пéндус* 'высохшее, заросшее травой болото', 'сырое травянистое место', 'болотистый покос'.

Лексемы с начальным *пент-* распространены на той же территории и зафиксированы в КСГРС в меньшем объеме: *пéнтузь* 'болотистый сенокос в лесу' (Вель), *пéнтус* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (В-Важ, Вель, Вож, К-Г, Кон, Лен, Ник, Сок, Тарн, Уст, Хар), 'окно воды в болоте' (В-Важ), 'покос на сыром, заболоченном месте' (Вель, В-Уст, К-Г, Кир, Кон, Уст), 'сено, заготовленное на сыром месте' (Вель), 'придурковатый человек' (М-Реч), *пéнтус* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (Уст, Шенк), 'покос на сыром, заболоченном месте' (Уст, Шенк), *пентусина* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (В-Важ, Вель, Ник, Сок, У-Куб, Уст, Хар), 'покос на сыром, заболоченном месте' (В-Важ, Вель, Уст), 'трава с сырого, заболоченного места' (Уст), *пéнтусина* 'сено, заготовленное на сыром месте' (Тот), *пентусок* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (Уст), *пéнтусь* 'непроходимое место в лесу' (Уст).

Лексема *пéнус* и ее фонетические и словообразовательные производные по материалам КСГРС представлены в узком ареале преимущественно на территории Архангельской области: *пéнуз* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (Шенк), 'покос на сыром месте' (Шенк), *пéнус* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (Вель, Карг, К-Г, Нянд, Плес, Шенк), 'небольшое озерко, заросшее осокой' (Плес), 'покос на сыром месте' (Вель, Нянд, Плес, Шенк), 'не-

большая полянка в лесу' (Шенк), 'трава, сено с сырого места' (Плес, Шенк), *пéнус* 'заболоченный, топкий участок леса или берега реки' (Шенк), 'покос на сыром месте' (Шенк), 'трава, сено с сырого места' (Шенк), *пенусина* 'покос на сыром месте' (Вель, Нянд, Плес, Шенк), 'трава, сено с сырого места' (Вель, Карг, Нянд, Плес, Шенк), *пéнусный* 'болотистый' (Плес), *пéнусное сено* 'сено с сырого места' (Шенк), *пéнусовое сено* 'то же' (Нянд), *пенусоватый* 'болотистый' (Шенк), *пенусок* 'травянистое болото' (Плес).

В КСГРС отмечены также лексемы с иной огласовкой корня: *пíндус* 'топкое место на болоте' (Вель), *пíнус* 'покос на болоте' (Нянд).

За пределами севернорусской территории термин *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* не фиксируется. На возможность бытования слова (занесенного с Русского Севера) в Сибири указывают топонимы *Косые Пэнтусы* и *Прямые Пэнтусы* в нижнем течении Иртыша (Тюменская область)⁴⁷.

Первая попытка этимологизации сев.-рус. *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* принадлежит Я. Калиме [Kalima 1919, 183]. Из двух известных ему форм (*пéндус* и *пéнус*) в качестве основной Я. Калима избирает *пéнус*, которое сопоставляет с карел. *rainoŝ* 'болотистое место между двумя холмами'. По замечанию исследователя, звуковое соответствие не является полным, так как приб.-фин. *ai* обычно передается рус. *ай, ой*. Вместе с тем, по мнению Я. Калимы, географическое распространение лексемы *пéнус* указывает на прибалтийско-финское происхождение. Форму *пéндус* Я. Калима считает странной. М. Фасмер принимает сопоставление Я. Калимы, полагая, что неясным остается только -д- в *пéндус* [Фасмер 3, 232].

Сопоставление с карел. *rainoŝ*, проведенное Я. Калимой, очень привлекательно с семантической стороны. Карельский (ливвиковский) географический термин является дериватом глагола *rainoa* 'давить, нажимать', 'топить, погружать' и т. п., имеющего финские, вепские, эстонские, ливские соответствия с теми же значениями (далее под вопросом в других финно-угорских и самодийских языках) [SKES, 1459–1460]. Возможность исходной семантики 'давить, нажимать', 'топить, погружать' для сев.-рус. *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* подтверждается тем, что контекстными синонимами слова в русском языке выступают *нажѣмина* (К-Г), *жѣткое место* (Шенк), *топучина*, *топкое место* (Хар), ср. также: «*Пентус раньше было сырое место на речке: идѣшь – вода жмѣтся*» (Сок); «*Пендус качается, прорвется если, можно и утонуть*» (Сок). Однако это сопоставление с карел. *rainoŝ* не может быть принято в силу фоне-

⁴⁷ См.: Чайко Т. Н. Заимствованные географические термины в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша // *Вопр. ономастики*. Вып. 11: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976. С. 121.

тических несоответствий, на которые указал сам Я. Калима. Подтверждением сомнений Я. Калимы в возможности передачи приб.-фин. *ai* рус. *e* является фиксация в беломорских говорах восходящего к карел. *rainoš* слова *пайнос* с той же семантикой⁴⁸, в котором дифтонг закономерно передается рус. *ай*. Кроме того, если для Я. Калимы форма *пéндус*, отмеченная в то время только в словаре В. И. Даля, могла казаться странной (и, возможно, ошибочной), то современные многочисленные фиксации *пéндус* / *пéнтус*, подтверждающие реальность формы, не позволяют в качестве этимона рассматривать карел. *rainoš*, исходя из которого невозможно объяснить чередование *n* / *nd* / *nt*.

А. И. Попов, которого не удовлетворила этимология Я. Калимы, обратил внимание на то, что слово *пéндус* «в значении сенокосного угодья известно хорошо в актах XVIII века по тогдашнему Вологодскому уезду, где следует предполагать наличие древнего финно-угорского населения с языком или языками, весьма значительно отличающимися от ныне существующих прибалтийско-финских»⁴⁹. Действительно, если география лексемы *пéнус* условно может быть названа прибалтийско-финской (слово распространено к западу от р. Северная Двина), то распространение *пéндус* / *пéнтус* (юго-восток Русского Севера, где количество прибалтийско-финских элементов невелико, а по данным топонимии предполагается существование в прошлом вымерших языков, условно называемых А. К. Матвеевым севернофинскими⁵⁰) скорее указывает на субстратный, неприбалтийско-финский источник, как это и предположил А. И. Попов⁵¹.

А. К. Матвеев, отметив, что соответствий для *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* пока не удалось найти ни в финно-угорских, ни в самодийских языках, приводит индоевропейское по происхождению лит. *piainys* 'сенокосное болото', *piainis* 'ложбина', полагая, что оно могло быть заимствовано в вымершие финно-угорские языки, откуда могло попасть в русский⁵².

Действительно, если исходить из значений русского слова 'сенокосное болото, никому не принадлежащее, с которого собирают сено

⁴⁸ См.: Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 69.

⁴⁹ Попов А. И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta Linguistica Academiae scientiarum Hungaricae. Т. 5, f. 1–2. Budapest, 1954. S. 16.

⁵⁰ См., например: Матвеев А. К. Древнее население севера Европейской России. Опыт лингвоэтнической карты. I // Изв. Урал. гос. ун-та. 1999. № 13. Гуманитарные науки. Вып. 2. С. 84.

⁵¹ Попов А. И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений. С. 16–17.

⁵² Матвеев А. К. Аппеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопр. языкознания. 1995. № 2. С. 41.

только во время засухи'. 'покос на сыром месте' и под., семантическое соответствие с литовской лексемой будет полным. Следует, однако, сразу отметить, что значение 'сенокосное угодье', которое считал основным для лексемы *péndus* А. И. Попов, или 'сенокосное болото', от которого отталкивается в своем построении А. К. Матвеев, не является центральным для *péndus* / *péntus* / *pénus*. А. И. Попов считал, что семантика 'сенокосное угодье' согласуется с отмеченным в актах XVII в. «сена чистого пендуса»⁵³, что, на наш взгляд, отнюдь не указывает на то, что *péndus* – это сенокосное угодье, а не объект, используемый как сенокосное угодье, ср., например, *сено моховое* 'сено, заготовленное на болотистой почве' [СРЯ XI–XVII 24, 69] при *мох* 'болото; моховое болото', *мочежѣнное сено* 'сено, скошенное на сырых лугах' [СРНГ 18, 317] при *мочежѣна* 'низкое сырое место'. То, что *péndus* / *péntus* / *pénus* не следует в первую очередь отождествлять с покосом, сенокосным болотом, подтверждается в контекстах, где отмечается, что это место, в силу качества растительности и сырости, почти не пригодно под покос: «Косил на пендусе: плохая трава, один пендус, плохая трава, несъедобная для скота, от нужды пришлось пендус косить» (Бабуш); «Пендусья от хорошей жизни не косили, чего хорошего на пендусе-то?» (Бабуш); «На пендусах только плохи хозяева косили» (Вель); «Пендус – место мало пригодное, там сыро, только с нужды в пендусах косили» (Вель); «Пендус уж место слабое, трава неедовая, мохом поросло, от нужды в пендусах сено ставили» (Вель). Литовская лексема *riaunys* помимо 'сенокосное болото' имеет и другие значения, которые ближе к основной семантике севернорусского слова ('заболоченный, топкий участок леса или берега реки, болото'): 'болотистый кустарник', 'яма, в которой весной и осенью стоит вода', 'безлесное пространство, поляна в лесу', 'неглубокий ручей, текущий через луг'⁵⁴. Если рассматривать весь комплекс значений литовского слова, то семантическое соответствие его севернорусской лексеме не будет вызывать сомнений.

Сложнее объяснить фонетическую сторону балтийско-севернорусского сопоставления. Поскольку предполагается, что *péndus* / *péntus* / *pénus* заимствовано из каких-то вымерших финно-угорских языков, о фонетике которых известно недостаточно, следует исходить из тех данных, которыми мы располагаем о балтизмах в живых финно-угорских языках. В балтийских заимствованиях, выявленных в прибалтийско-финских языках, дифтонг *ai* в первом слоге после твердого согласного регулярно передается приб.-фин. *ai*, ср. фин. *hautoa*, эст.

⁵³ Попов А. И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений. С. 16.

⁵⁴ См.: Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (к семантической типологии). М., 1977. С. 68.

haudma ~ лтш. *sautēt*, лит. *šautas*, фин. *kauha* ~ лит. *kaušas*, лтш. *kauss*, фин. *kaunata* ~ лтш. *kauns*, фин. *lausua*, эст. *lausuda* ~ лит. *klāusti*, лтш. *klaust*, фин. *laut*, эст. *laut* ~ лит. *plaūtas*, лтш. *plauts*, карел. *nautti* ~ прус. *nautin*⁵⁵. Единоразы отмечена передача *au* через приб.-фин. *ou*: фин. *kouko*, эст. *kõu* ~ лит. *kaukas*, лтш. *kauks*⁵⁶. Примеры передачи балтийского дифтонга *au* в первом слоге после мягкого согласного единичны. А. Сабалаяускас приводит фин. *kuutō*, *kuutō* 'длинная белая полоса на спине лошади или быка', эст. *küüt*, которые сопоставляет с лит. *skiaūtas* 'лоскут, кусок ткани'⁵⁷, что опровергается в SSA, где слово рассматривается как производное от *kuu* 'змея' [SSA 1, 469]. К числу балтизмов относят фин. *leuka* 'подбородок', карел. *l'euga*, вепс. *leug*, ижм. *leuGa*, эст. *lõug*, которые сопоставляются с лит. *liauka* 'железа (на шее)'⁵⁸. Примером, демонстрирующим передачу *au* после мягкого согласного перед *n* (что наиболее близко к рассматриваемому нами *riaunỹs*), является прибалтийско-финский балтизм, источник которого находят в слове, сравнимом с лит. *briaunà* 'край, сторона, оконный косяк, обух ножа'. В прибалтийско-финских языках отмечены сопоставляемые с этим фин. *reuna*, люд. *reun*, *röün*, *rüün*, *röin*, вепс. *reun*, *reün*, *röun*, *rüün* 'край, сторона', эст. *rõun* 'склон горы' [SKES, 775; SSA 3, 69]. Последние два примера показывают, что *'au* передается в прибалтийско-финских языках через дифтонг переднего ряда либо через дифтонг с переднерядным инициальным компонентом при сохранении качества самого дифтонга (на *-u*). Здесь же следует отметить передачу балтийского интервокального *n* прибалтийско-финским *n*.

Приведенные данные в случае заимствования балтийского слова, близкого к лит. *riaunỹs*, позволяют предполагать в прибалтийско-финских языках отражение первой части лексемы в виде **reun-*, **reün-*, **röun-*, **rüün-*, **röün-* и под. Согласно Я. Калиме, при передаче прибалтийско-финских дифтонгов на *-u* последний элемент, как правило, отражается русскими *в*, *у*, *л* [Kalima 1919, 59–60]. Соответствие смоделированному нами ряду дифтонгов (*eu*, *eü*, *öu*, *üü*, *õu*) может быть рассмотрено только на примере одного слова: *rēxkach* 'копна из десяти ржаных снопов' < вепс. *feuk* 'копна из овсяных снопов', которому соответствуют фин. *röykkö* 'копна', эст. *rõuk* 'стог'. При этом Я. Калима восстанавливает в качестве исходной для *rēxkach* форму **rēvkach* [Kalima 1919, 198]. В соответствии с наблюдениями Я. Калимы, можно предполагать,

⁵⁵ Лексемы приводятся по: Sabaliauskas A. Baltų ir pabaltijo suomių kalbų santykiai // Lietuvių kalbotyros klausimai. VI. Vilnius, 1963. S. 116–123.

⁵⁶ Ibid. S. 119.

⁵⁷ Ibid. S. 120.

⁵⁸ Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975. С. 117.

что если бы заимствование в русский происходило из какого-то прибалтийско-финского языка или языка, близкого к прибалтийско-финским, из реконструированных нами форм **reun-*, **reijn-*, **röin-*, **röijn-*, **roin-* на русской почве ожидалось бы **neŭn-*, **nevñ-*, **nelñ-*, **nehñ-* (а не *pénd-*, *pénñ-*, *pén-*). Таким образом, с фонетической стороны связь сев.-рус. *péndus* / *péntus* / *pénus* с лит. *riaunys* через посредство прибалтийско-финских языков представляется невозможной.

Контакты с балтийскими языками прослеживаются также в мордовском и марийском языках⁵⁹. К сожалению, данные о балтизмах в волжских языках не позволяют произвести точную реконструкцию возможной формы, восходящей к балтийскому слову, подобному лит. *riaunys*. Можно предполагать, что в этих языках, не знающих дифтонгов на *-и*, вокализм первого слога мог быть переработан иначе, чем в прибалтийско-финских. Если акустически более значимыми воспринимались первый элемент дифтонга и мягкость предшествующего согласного, то отражение инициальной части лексемы в виде **re-* кажется возможным. Балтийское интервокальное *n*, судя по эрз. *турьгине* 'гром' ~ лит. *perkūnas* 'то же'⁶⁰, должно быть передано в волжских языках как **n*. В таком случае севернорусская форма *pénus* может объясняться как балтизм, воспринятый через посредство языков волжского типа. Против этого, однако, два возражения: лексема *pénus* распространена на северо-западной периферии общего ареала *péndus* / *péntus* / *pénus*, в то время как при заимствовании через язык, имеющий волжские черты, ее следовало бы ожидать на юго-востоке; заимствование через посредство волжских языков, так же как и через посредство прибалтийско-финских, не объясняет «возникшего» чередования *n* / *нд* / *нт*. На последнее обстоятельство (необъясненность *n* / *нд* / *нт*) указывал А. К. Матвеев, проводя сопоставление с лит. *riaunys*⁶¹.

Изложенные выше данные позволяют заключить, что семантическое и частично фонетическое сходство сев.-рус. *péndus* / *péntus* / *pénus* с лит. *riaunys*, скорее всего, является случайным.

А. Л. Шилов при этимологизации, в отличие от предшествующих авторов, в качестве основных форм в ряду *péndus* / *péntus* / *pénus* избирает варианты с *нд* / *нт*. В языке-источнике автором предполагается **pentus* / **pendus*, которое возводится к ф.-уг. основе **pentš-* / **pendž-*. Для сопоставления приводятся следующие факты: коми *пеньдзей* 'высо-

⁵⁹ Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 52.

⁶⁰ Там же. С. 340.

⁶¹ Матвеев А. К. Аппелятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов. С. 41.

хший ручей', ненец. *пензя* 'овраг, высохший ручей с крутыми берегами', сельк. *понджа* 'открытое болото' (> сиб. *поньджа* 'безлесное открытое болото; высохшее болото'), для которых предполагается родство с фин. *pensas*, карел. *penžaz*, люд. *pendzahaine*, вепс. *penzaz*, *pēzaz*, *peñzaz*, эст. *põdsas* 'куст(арник)'. Высказывается также предположение о возможности родства с восстановленной финно-угорской основой карел. *rainoš* (> беломор. *пайнос*) или заимствовании этого слова из рус. **пейнус* (< *пендус*)⁶².

Приведенные А. Л. Шиловым данные очень разнородны. Не отрицая возможности реконструкции для *пентус* / *пендус* финно-угорской основы **pentš-* / **pendž-*, проследим связи с ней остальных данных уральских языков.

Сразу же следует исключить из ряда сопоставлений карел. *rainoš* (и беломор. *пайнос*), которое не имеет отношения ни к рус. *пентус* / *пендус*, ни к предполагаемому **pentš-* / **pendž-* ввиду производности этого слова от глагола *rainoa* (см. выше).

Прибалтийско-финские лексемы (фин. *pensas* и его соответствия) не могут быть возведены к ф.-уг. **pentš-* / **pendž-*, поскольку для фин. *-ns-* следует предполагать исходное сочетание не с *č*, а с *ć*, т. е. *-ñć*⁶³. Родство с самодийскими лексемами (ненец. *пензя*, сельк. *понджа*) этого слова, распространенного только в прибалтийско-финско-саамском ареале и не имеющего ни угорских, ни пермских, ни волжских параллелей, также проблематично, по крайней мере, ни в SKES, ни в SSA самодийские параллели не приводятся [SKES, 520; SSA 2, 337].

Коми ижемское *пеньдзей* 'высохший ручей' не может рассматриваться в качестве равноправного члена сопоставительного ряда, поскольку является заимствованием из ненец, ср. *pen's'e*, *пензя* 'пересохшее русло ручья' [КЭСК 1970, 219]. Для ненец. *пензя* прасамодийская форма восстанавливается в виде **peñkä* (?) 'впадина' и устанавливается соответствие с сельк. (*põD*) *peñG* 'urggröning i träd efter en fallen kvist' [Janhunen, 121]. Ненецкое слово при прасамод. **peñk-* не может быть параллелью ни к ф.-уг. **pentš-* / **pendž-*, восстанавливаемому А. Л. Шиловым для *пентус* / *пендус*, ни к ф.-уг. **peñć-*, которое следует реконструировать для фин. *pensas* и под. Кроме того, при сельк. *peñG* неясно и соотношение ненец. *пензя* и сельк. *понджа*, которое может являться самостоятельным образованием.

⁶² См.: Шилов А. Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуди // Вopr. языкознания. 1997. № 6. С. 13–14.

⁶³ Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). С. 145

Сельк. *понджа* трудно сопоставлять с сев.-рус. *пентус* / *пендус* (и восстанавливаемым **pentš-* / **pendž-*), поскольку отсутствуют данные о бытовании родственных селькупской лексем в финно-угорских языках, неясно происхождение слова в самом селькупском. Немаловажно также то, что пока в этимологических исследованиях не обнаружены случаи, когда в заимствованной лексике севернорусских говоров выявляются факты, имеющие только территориально далекие селькупские параллели. Казалось бы, здесь можно привести в качестве аналога сопоставление сев.-рус. *калтус* 'не слишком вязкое болото' с самод. *kalʒ*, *kālʒ* 'илистое место' [Kalima 1919, 101, со ссылкой на Setälä]. Последнее, отмеченное в различных формах в селькупском (ср. *kāldš* 'низинное, сырое, топкое место', *kāl'žə* 'топкое кочковатое место'), послужило источником том. *кальджа* 'низина, заболоченная местность (обычно по берегу реки)', 'место, заросшее раkitником' [Аникин 2000, 243–244]. Параллельность рядов сев.-рус. *пентус* ~ сельк. *ponʒə*, *ponʒ* (> том. *пон(ь)жа*, *поньджа*)⁶⁴ и сев.-рус. *калтус* ~ сельк. *kāl'žə*, *kāldš* (> том. *кальджа*) удивительно точна. Однако в одной из последних работ А. Е. Аникина наличие какой-либо связи сев.-рус. *калтус* с селькупскими данными отрицается ввиду того, что селькупские факты имеют тунгусо-маньчжурское происхождение⁶⁵. Это означает, что перед нами крайне привлекательный, но тем не менее мнимый случай проекции лексических рядов.

Таким образом, предложенная А. Л. Шиловым этимология сев.-рус. *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* не может быть принята, так как не согласуется с данными исторической фонетики уральских языков.

Как показывает анализ всех предлагавшихся ранее этимологий, для решения вопроса о происхождении сев.-рус. *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* наиболее важным оказывается объяснение чередования *нд* / *нт* / *н*. Поскольку ареалы лексем *пéндус* и *пéнтус* не дифференцируются, можно полагать, что эти формы представляют собой фонетические варианты одного слова, при этом первично, скорее всего, *пéндус*, которое распространено более широко. В таком случае *пéндус* > *пéнтус* в результате дистантной ассимиляции по глухости. В пользу этого предположения наличие иного варианта переработки: *пéндус* > *пéндуз*, в котором конечное *з* может являться результатом ассимиляции по звонкости. Ареал *пéнус* противопоставлен ареалу *пéндус*, что указывает на то, что перед нами не фонетический вариант, а заимствование из другого языка-

⁶⁴ Селькупские и русские томские данные приводятся здесь по: [Аникин, 453].

⁶⁵ См.: Аникин А. Е. Postscriptum separatum // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 120.

источника. Таким образом, фактически следует рассматривать соответствие $n \sim nd$ в *pénus* и *péndus*.

Как представляется, в интервокальной позиции соответствие $n \sim nd$ может объясняться через чередование ступеней согласных. Это явление присуще современным прибалтийско-финским языкам, кроме вепсского и ливского, и саамскому языку⁶⁶. Учитывая позицию n и nd – перед гласным второго закрытого слога – можно полагать, что рус. n и nd восходят соответственно к **nn* и **nd* языков-источников, представляющим собой реализацию слабой ступени исходного **nt*. При этом **nd* > **nn* как следствие ассимиляции, что отражает, например, современный финский язык⁶⁷. Слабая ступень в виде **nd* отмечается в саамском языке⁶⁸. Изложенное позволяет заключить, что *péndus* заимствовано из финно-угорского языка, в котором слабая ступень была представлена более древней формой (**nd*), а *pénus* – из языка, в котором появился ассимилятивный вариант (**nn*). Если рассматривать *-us* как суффикс (финаль гласный + *s* нередко оформляет финно-угорские заимствования в русском языке), то исходную словообразовательную основу с сильной ступенью можно восстановить в виде **pent-*. Для *péndus* следует указать и иную возможность: слово могло быть заимствовано из языка, в котором не было чередования ступеней согласных, а взрывной *t* озвончился под влиянием предшествующего носового. Систематически такое озвончение наблюдается в волжских языках⁶⁹. Таким образом, при выяснении происхождения сев.-рус. *péndus* / *péntus* / *pénus* следует искать этимон с интервокальным сочетанием **nt*, вступающим в чередование ступеней в прибалтийско-финских и саамском языке, при этом для *pénus* предполагается возникновение из языка прибалтийско-финского типа, а для *péndus* / *péntus* из языка, близкого к саамскому или волжским. Последний вывод согласуется с данными лингвогеографии: как уже говорилось выше, ареал *pénus* условно можно называть «прибалтийско-финским», в то время как ареал *péndus* / *péntus* – «севернофинским».

Обратимся теперь к семантической стороне этимологии. Поскольку в финно-угорских языках очень сильна дифференциация видов болот, наиболее важным для нахождения этимона представляется выяснение денотативной семантики севернорусских лексем, определение отличительных признаков объектов, обозначаемых лексемами *péndus* / *péntus* /

⁶⁶ Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). С. 134.

⁶⁷ См.: Бубрих Д. В. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948. С. 141.

⁶⁸ Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). С. 138.

⁶⁹ Там же.

пéнус. С этой целью проанализируем контексты, в которых дается описание реалии, определяются условия возникновения объекта.

Географический объект, обозначаемый как *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус*, характеризуется близким залеганием грунтовых вод, которые могут просачиваться на поверхность («*Пентус раньше было сырое место на речке: идёшь – вода жмётся*» (Сок); «*На пентусе осока растет, из земли нажим есть, как ржавчина идёт*» (Сок); «*Болотина, как вроде бы из самого берега сочится водичка, говорят, ой, какая пентусина*» (Ник)), вскрываться под поверхностным слоем почвы («*У нас не болота, а такая просто пентусина, земля – плаун, жидкая, слабая, то вспухнет, так дом поворачивает*» (Уст); «*Какое-то течение в почве и сырое все стоит – пенус от у нас есть*» (Шенк)). Чаше всего в контекстах отмечается, что грунтовые воды образуют выходы на поверхность в виде родников, ключей: «*Пендусы – где ключи бьют на лугу*» (Сок); «*Там ключ, его подняло, и оттуда идёт вода, около ключа пендус и получается*» (Кон); «*Возле родников низкое место пендус называется*» (Уст); «*Если это пендус, то ключ обязательно есть, мишисто тако, сыровато место*» (Кон); «*Много везучих мест, попадёшь на таком пентусе в ключ, да затянет. Это уж весь пентус такими ключами, да чернотёмина кругом их*» (Сок). В последнем случае родники и ключи являются не открытыми, а заросшими: имеют на поверхности тонкий слой торфяного, мохового или растительного покрова («*На пендусе водица мхом подёрнута*» (Хар); «*Ключевинник вынал такой, затянуло потом – вот и пендус образовался*» (К-Г); «*Пендус – тако жидко место, аверху подёрнуло мхом, на ей стоишь и качаешься*» (Ник); «*Сверху оно покрыто тонким слоем дёрна, а внизу вода стоит. Другие места такие глубокие огораживали, а сейчас всё высохло – никаких пентусов*» (Ник); «*Пентусина бывает в болоте: выгорит торф, а поверху зарастат таким зелёным. Не дай бог провалиться в эту пентусину*» (В-Важ)). Верхний слой почвы является неустойчивым, под давлением воды снизу или веса человека сверху может качаться и прорываться: «*Это пентус – жидкость такая. Идёшь и качается, провалишься*» (Ник); «*В пендусе качается все, если ключ там*», «*Пендус – это сырое место, там зыбается, сверху сухо, а там мокро*» (К-Г); «*Пендус качается, прорвётся если, можно утонуть*» (Сок); «*Пентус логом задался далеко, тут ступишь, там вылезлось*» (Уст); «*По пендусине идёшь, так и вздымает*» (К-Г); «*По пендусу идём и подынает нас*» (Хар). Плотность поверхностного слоя может быть различной: от тонкого, образованного ряской, до плотного, поросшего угнетенными деревьями. *Пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* может образовываться при зарастании озера («*Было озеро, да заболотило, вот мы его пендусом и зовём*» (Шенк)), при этом бывшие воды озе-

ра становятся подпочвенными, грунтовыми. Таким образом, контекстная семантика показывает, что объект, обозначаемый как *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус*, являет собой раннюю стадию заболачивания местности, характеризуется слоистой структурой: грунт – грунтовые воды – поверхностный почвенный, торфяной или растительный покров.

В антропогенном ландшафте *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* образуется на месте сведения лесов, в результате которого нарушается влагообмен: «Вырубят ельник сырой, валят валы, они высохнут, их спалят, и на другое место пожни, пендусом зовут» (Бабуш); «Росчистки низких мест – пендуса, по-нашему» (Кон); «По сырому месту сенокос, так пентус называли, и ручей по нему текчи может. Раньше была ледина, а лес вырубили, сенокос сделали, пентус стал, только что вода не стоит, а выжымается под ногами» (М-Реч). В техногенных условиях возникновение *пéндуса* / *пéнтуса* / *пéнуса* возможно на месте торфоразработок, вследствие которых находящиеся под торфом воды получают возможность выхода на поверхность: «Пентусина – болотистая местность. Болото было, торф вытянули, а по верху затянулось осокой, можно провалиться, там трясина, пентус» (В-Важ).

Выделенные из контекстов компоненты семантики подтверждают-ся и в контекстной синонимии. Отмечены следующие синонимы для *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус*: *нажýмина* (К-Г), *жáткое место* (Шенк), *водо-сóчина* (М-Реч), *паточýна* (Вель) – признак ‘место выхода грунтовых вод’; *зыбún* (К-Г, Ник, Хар), *трясýнчик* (В-Важ), *трясúчее место* (Хар) – признак ‘неустойчивая поверхность’; *вязúн* (В-Важ, К-Г, Тарн), *вязúчее место* (В-Важ, Вель, У-Куб, Хар), *вязкое место* (У-Куб), *мягкое место* (Уст), *слабое место* (В-Важ, К-Г, Уст), *дрябь* (Шенк) – признак ‘водянистая, рыхлая поверхность’; *сýболоток* (Вель, К-Г), *сýболоть* (Бабуш, Вель), *болóтина* (Кон, Сямж, Тарн), *озерýна* (Плес) – признак ‘находящийся в начальном этапе заболачивания’.

В системе значений *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* особо следует выделить зафиксированные в качестве самостоятельных *пéндус* ‘ключ, родник’, *пéнтус* ‘окно воды в болоте’, *пéнтус* ‘низина, по которой течет вода’, *пéнус* ‘небольшое озеро, заросшее осокой’, *пéндус* ‘вырубленный участок леса’, в которых отмеченные нами характеристики денотата представлены как центральные в структуре значения. Остальные значения формируются на базе общего признака ‘заболоченный, болотистый, топкий’, дифференцирующего признака ‘имеющий определенный тип растительности (травянистая, кустарниковая, древесная)’, прагматического признака ‘могущий использоваться в качестве покоса’.

При анализе семантики *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* обращают на себя внимание значения, не связанные с характеристикой заболоченного

места. Это – *péndus* ‘глубокое место в реке с медленным течением; плес’, *pénda* ‘мель на реке’, *péntus* ‘кочка на лугу’. *tíndus* ‘остров на реке’. Из них три последних объединяются признаком ‘возвышающийся над поверхностью (земли, воды, речного дна)’. Впрочем, для значения ‘мель на реке’ признак может быть сформулирован иначе: ‘находящийся под поверхностью воды’. Соотнесение этих значений с тельмографическими позволяет усматривать связь в общем компоненте ‘отношение к поверхности (подниматься к поверхности, подниматься над поверхностью)’. Наличие нетельмографических значений свидетельствует об отсутствии в основной семантике этимона семы ‘заболоченность’, а соотношение тельмографических и нетельмографических значений позволяет сузить границы поиска этимона до семантики ‘верх’ – ‘низ’, ‘поверхность’, ‘подниматься’, ‘находиться над’, ‘находиться под’ и т. п.

Итак, доэтимологический анализ фонетики, семантики и географии *péndus* / *péntus* / *pénus* показал, что в качестве соответствия этимону в современных финно-угорских языках следует искать лексему с инициальным *p*, интервокальным **nt* и семантикой, обнаруживающей возможности характеристики пространственного соотношения земли и воды по оси ‘верх’ – ‘низ’.

На наш взгляд, этим требованиям отвечают фин. *pinta* ‘поверхность; плоскость; гладь’, ‘наружный слой дерева’, ‘горбыль’, ‘кожа (человека)’, ‘слой сала в свинине; спинной жир оленя’, карел. *pinta*, *pinda*, ливв. *pindu* (род. п. *pinnan*), люд. *pind*, *pinde* ‘поверхность (дерева, воды)’, ‘кожа (животных); подкожный слой жира, сало’, вепс. *pind* ‘заболонь’, ‘поверхность воды’, водск. *pinta*, эст. *pind* (род. п. *pinna*) ‘поверхность, кора, оболочка’, ‘горбыль’, ср. также саам. (< приб.-фин.) норв. *bid'de*, ин. *pidde*, патс. *piDḑ^E*, нот. *pēDḑ^E*, кильд. *piṇḑ^E* ‘заболонь’, норв. *bin'da* ‘шпик, свиное сало, жир (у животных)’ [SKES, 570; SSA 2, 370].

С этой лексемой уже связывается [Kalima 1919, 185] происхождение одного севернорусского диалектизма, а именно – *núnda* ‘верхний менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой; заболонь (преимущественно у сосны)’ (Арх, Влг, Горьк, Карел, Олон), ‘сосна’ (Влг, Олон), ‘верхний промерзший слой земли, обнажающийся весной при таянии снега’ (Олон) [СРНГ 27, 35]. На территории Русского Севера слово распространено на западе региона (Баб, Бел, Ваш, Вож, Выт, Карг, Кир, Кон, Нянд, Плес, Прим, Хар), в ареале, который в целом противопоставлен распространению *péndus* / *péntus* / *pénus*, хотя и незначительно пересекается с ним на восточной периферии. Фиксация в русских говорах заимствования в виде *núnda* не препятствует сопоставлению с теми же данными *péndus* / *péntus* / *pénus*, как в силу противопоставленности ареалов, так и в связи с тем, что для исследуемого нами

слова предполагается заимствование из вымерших языков, обладавших специфическими фонетическими и семантическими характеристиками.

Фин. *pinta* и его соответствия не имеют значений, тождественных сев.-рус. *péndus* / *péntus* / *pénus*. Возможности развития географической семантики обнаруживает, однако, значение 'поверхность'. Такое развитие тем более вероятно при наличии у прибалтийско-финских и саамских слов одновременно значений 'заболонь дерева', 'кожа, подкожный жир, сало'. Как показывают данные семантической типологии, комплекс значений 'заболонь дерева' – 'тонкая пленка, мездра; подкожный жир' – 'место на поверхности земли или воды (обычно: сырое, болотистое место или плес, место на реке или озере со спокойным течением)' является очень устойчивым и регулярно возникает у дериватов гнезд с самой различной исходной семантикой.

Подобная семантика обнаруживается в нескольких финно-угорских лексических гнездах, а также в финно-угорских заимствованиях в русском языке. Ср.: фин. *malto* 'ствол дерева', карел.-твер. *maldo* 'древесина с рыхлой, толстой структурой' [SSA 2, 114] (приб.-фин. > саам. кольск. *malD⁴*, кильд. *malD⁴*, терск. *malD⁴* 'мягкое, некреноватое дерево' [SKES, 331], рус. диал. *малдовый* 'нестроевой, редкослойный, с широким слоем заболони (о дереве, лесе)⁷⁰' – фин. *maltoliha* 'нежирное мясо' – фин. *malto* 'плес (участок реки со спокойным течением)', карел. *maldo* 'тихо текущая вода', *maltoranta* 'сырой берег', ливв. *maldo* 'тихое, без течения место в реке' [SSA 2, 114] (> в русской субстратной топонимии *Малдан*, *Малдань*, *Малдын*, оз.); тот же корень в варианте *melto* (в фин. 'мягкий' [БФРС, 367]) > рус. диал. *мелда* 'глинистая или песчаная почва'. Близкий вариант обнаруживается в фин. *vento* 'вязкий, податливый (о дереве)', 'слабый вследствие излишнего размягчения (о коже, шкуре)', 'топкий, зыбкий, водянистый (о земле, болоте); торфяное болото, водянистое место; тихий, почти незаметно текущий (о воде, реке, плесе)', ливв. *vendo* 'вязкий, податливый', 'тихий', 'водянистый', 'унавоженный (о земле)' [SKES, 1698–1699] (приб.-фин. > рус. диал. *вендура* 'место на болоте, не заросшее деревьями' [СРГК 1, 171]). В обоих случаях в качестве исходного выступает прилагательное со значением 'мягкий'. Производящие с исходным значением 'сосна' послужили основой еще одного деривационного гнезда. Фин. *mänty*, карел. *mänt*, *mänd*, ливв. *mändu*, *mändö*, люд. *mändu*, *mänd* 'сосна' [SKES, 359] родственно вепс. *mänd* 'рыхлая заболонь (обычно сосны)', 'сосняк на болоте' [СВЯ, 344] (> [Kalima 1919, 170–171] рус. диал. *мянда* 'заболонь', 'низкое, сырое место в лесу', 'топкое место на болоте', 'болото').

⁷⁰ Этимологию см.: Мищенко О. В. Из этимологий дендрологических терминов Русского Севера // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 73.

Отражение значения 'подкожный жир'. вероятно, можно видеть в развившихся на русской почве *мянда*, *мяндач* 'толстый, неповоротливый человек'.

Описанный комплекс значений обнаруживается и в славянских языках, ср. реализации праслав. **bělъ* (< **bělъ* + суф. *-j-*): с.-хорв. *бель*, чеш. *běl*, словц. *bel'*, в.-луж., н.-луж. *běl*, укр. *біль* 'заболонь дерева' – чеш. *běl*, словц. *bel'*, в.-луж. *běl*, ст.-польск. *biel*, *bil*, рус. *бель*, укр. *біль* 'подкожное сало свиньи, жир' – ст.-польск. *biel*, *bil* 'болото', рус. диал. *биль* 'болото, на котором не растет ничего, кроме мха', 'покрытое мхом болото' [ЭССЯ 2, 84–85]. Подобную цепь значений мы видим и для праслав. **boln-*, ср. чеш. *blána*, *bláno*, рус. *болона*, *болонь* 'заболонь дерева' – рус. *балана* 'подкожные жировые скопления у животного, оттягивающие кожу и образующие шишку', *болонь* 'брюшина, брюшная часть тела', 'пленка на мясе', чеш. *blaňa*, словен. *blana*, словц. *blana*, н.-луж., польск. *blona*, укр. *болона* 'пленка, кожица; плева; мездра' – болг. *блана* 'земля с травой, дерн', чеш. *blána*, ст.-чеш. *blaňe*, *bláně* 'пастбище, выгон', н.-луж. *bloń* 'луг, поляна', *blome* 'пажить, долина, общественный выгон', польск. *blonie* 'открытое, ровное пространство, покрытое травой; большой выгон, луг', белор. *болона* 'обширное, открытое ровное место при селении или в поле, поляна', рус. *болонь*, *болоние*, *болонье* 'низменное поречье, покрытое травой', *балонье* 'низкое место, залитое водою', укр. *болонь* 'луг, выгон', *болоння*, *болонне* 'низменное луговое пространство', *балуонне* 'плесо', белор. *балан'е* 'молодые посадки деревьев'. Подобие в семантике праслав. **bělъ* и напрашивающаяся связь с **bolto*, которое происходит от цветообозначения 'белое', заставляют авторов словаря предпочесть «цветовую» версию происхождения **boln-*, а не связь с и.-е. **bhel-* 'набухать, раздуваться' [ЭССЯ 2, 175–179]. Между тем эта связь, которая признавалась многими учеными для значений 'заболонь', 'пленка, плева', семантически реальна и для географических терминов, ср., например, праслав. **molko*, реализующееся в лексемах со значениями 'болото', 'сырой луг', 'лужа', 'топь' и т. п. и связанное в конечном итоге с и.-е. **med-* / *mad-* (с поздним вариантом **mel-*) 'вытекать, разливаться; набухать' [ЭССЯ 18, 86–87]. Совершенно иную исходную семантику обнаруживает праслав. **mezdra* / **mezdro* (< праслав. **mešo* < и.-е. **mēms-* 'кусоч (часть) сырого мяса' [ЭССЯ 19, 10]), также имеющее рассматриваемый семантический спектр: словен. *mezdra*, *mezdro*, укр. *мездра* 'заболонь дерева' – болг. *мездра*, с.-хорв. *mězdra*, словен. *mezdra*, чеш. *mízdra*, словц. *miazgra*, *miazdro*, польск. *miezdra*, рус. *мездра*, укр. *міздро*, *міздря*, белор. *мяздра* 'подкожная пленка, мездра' [ЭССЯ 19, 22–23] – влг. *мездра*, *мездрина* 'сырая низина; топкое, болотистое место'. Полную параллель финно-

угорским деривационным гнездам представляют собой производные праслав. **тѣкъ* ‘мягкий’: рус. *мягкослойный* ‘имеющий толстые рыхлые слои древесины (о дереве)’ [СРНГ 19, 74] – рус. *мягкое место* ‘болотистая, поросшая мхом низина’, *мякоть* ‘мягкое, хорошо обработанное поле, пашня’, словен. *тѣк* ‘сырой выгон у реки’, словц. *mäkčina* ‘место на пашне, где весной и после дождя стоит вода’, с.-хорв. *meke voda* ‘спокойная вода; вода, которая течет медленно или вообще не течет’ – рус. *мягкий* ‘упитанный (о человеке)’, ‘жирный, тучный (о животном)’, *мякиш* ‘о толстом человеке’, *мякуша* ‘о полном, толстом человеке’ [ЭССЯ 18, 240–250].

Количество примеров может быть еще увеличено, однако уже приведенные лексические данные позволяют говорить о том, что семантический комплекс ‘заболонь дерева’ – ‘тонкая пленка, мездра; подкожный жир’ – ‘место на поверхности земли или воды (обычно: сырое, болотистое место или плесо, место на реке или озере со спокойным течением)’ независим от исходного значения производящих лексем и объясняется, вероятно, изначальным синкретизмом восприятия строения человеческого тела, ствола дерева и земной поверхности.

Для фин. *pinta* и соответствий возможность развития интересующих нас географических значений подтверждается не только данными семантической типологии, но и семантическим потенциалом, заложенным в сочетаемости и дериватах гнезда. Сразу обращает на себя внимание то, что люд., вепс. *pind* имеет спецификацию значения ‘поверхность’ – ‘поверхность (воды)’ [SKES, 570]. Несколько шире семантика ливв. *pindu* – ‘поверхность (земли, озера, воды)’ [СКЯ–М, 268], ср. также формулировку значения для карельских данных в KKS: ‘верхний слой, поверхность земли’ [KKS 4, 297]. В финском компоненты ‘земля’, ‘вода’ проявляются в сочетаемости и употреблении слова: *maan pinta* ‘поверхность земли’, *järven pinta* ‘гладь озера’, *pysyä pinnalla* ‘держаться на поверхности’, *nousta pinnalle* ‘всплыть на поверхность’ [БФРС, 467]. Дериваты также демонстрируют возможности развития географической семантики: карел. *pintamulta* ‘поверхностный, пахотный слой почвы’ [KKS 4, 297], фин. *pinta-aalto* ‘поверхностная волна’, *pintaväre* ‘зыбь (на поверхности воды)’, *pintavesi* ‘верхний слой воды’, ‘поверхностные воды, надпочвенные воды’ [БФРС, 467]. Последнее слово особенно близко к основному компоненту денотативной семантики *péndus* / *pénтус* / *пénус* – ‘место выхода грунтовых вод’. Интересны также дериваты, обозначающие объекты, находящиеся на поверхности или близко к поверхности чего-либо: ливв. *pindujiä* ‘верхний слой льда’, *pindusuoni* ‘жила, выступающая из-под кожи’ [СКЯ–М, 268], фин. *pintavaahito* ‘накипь’ [БФРС, 467]. В русской диалектной лексике у лексики *pénтус*

отмечено негеографическое значение 'придурковатый человек' (М-Реч), возможность развития которого можно объяснить через сравнение с фин. *pinnallinen, pintapuolinen ihminen* 'поверхностный человек' [БФРС, 466–467].

Значения глагольных дериватов в прибалтийско-финских языках формируются вокруг семантики образования поверхности, отделения поверхности, движения к поверхности, набухания (которая ярко проявляется в контекстной семантике сев.-рус. *пéндус / пéнтус / пéнус*): фин. *pintaautua, pintauda, pintaantua, pintaintua, pinnettyä, pintettyä* 'твердеть, затвердевать, получать поверхность (о земле, дереве и т. п.)', *pintoa* 'срезать поверхность с дерева', *pinnata* 'то же', 'подниматься на поверхность', карел. *pinnata* 'ударить по поверхности', ливв. *pindavuo, pindavoa* 'толстеть', 'приставать, прилипать, заостенеть', эст. *pinnastada, pinnatada* 'зарастать', 'высыхать настолько, что кора отделяется (о дереве)', ср. также фин. *pintara: olla p-llaan* 'наполнен до отказа, переполнен' [SKES, 570]. От этих глаголов, вероятно, не следует отделять (в SKES, SSA эти данные не приводятся) патс. *pīēDDZD*, нот. *pīēDtZD*, кильд. *pīn^dtZ^d*, терск. *pīn^dta^d* 'разливаться <букв. вздуться, увеличиваться> (о реке)', 'просачиваться (о воде на обледеневшем месте)', в контекстах также 'переполняться (о горшке, в который положено чересчур много мяса, рыбы)', 'расширяться (о ручье у запруды)' [KKLS, 363]. Это саамское слово со значением 'разливаться (о реке)' в качестве соответствия для *пéндус / пéнтус* упоминает А. Л. Шилов, отвергая затем сопоставление ввиду того, что значением производного субстантива здесь может быть 'место, которое заливается в половодье (и где в межень можно косить траву)', которое не устраивает автора семантически⁷¹. Между тем анализ всех значений саамского слова показывает, что ядром семантики в данном случае является представление о подъеме, повышении уровня воды, переполнении водой какого-либо пространства. Значение 'расширяться (о ручье у запруды)' объясняет появление у *пéндус* семантики 'глубокое место в реке с медленным течением; плес'.

Относительно возможности образования гидро- и тельмографических терминов от основы со значением 'верх' следует также упомянуть рус. *верховые болота* 'болота с обильными остатками растений, развивающиеся в условиях снабжения исключительно атмосферными водами', *верховодка* 'сезонная вода, подземная вода, залегающая вблизи земной поверхности выше уровня грунтовых вод' [ЭСГТ, 49], *верхови́к* 'родник, пробившийся на поверхность земли' (Свердл) [СРНГ 4, 162], *верхоти́на* 'топкое место в лесу' (Перм) [СРНГ 4, 170], *верши́на* 'низ-

⁷¹ См.: Шилов А. Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуды. С. 14.

менное место. покрытое лесом' (Новг) [СРНГ 4, 173]. *верх. верех* 'глубокое место (в реке)' [ПОС 1, 101].

Изложенные размышления о семантике фин. *pinta* и его прибалтийско-финско-саамских соответствий позволяют предполагать развитие у родственного слова в языках, распространенных некогда на территории Русского Севера, семантики, реализовавшейся в сев.-рус. *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус*. Если говорить о семантическом расхождении рус. *пúнда*, заимствованного из приб.-фин. языков, и *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус*, восходящего к вымершим языкам, то перед нами не единственный случай такого противопоставления. Так, например, термин *ва́дога* / *ва́дега* на смежных с Русским Севером территориях зафиксирован преимущественно в качестве обозначения топкого, болотистого места (*ва́дога* 'пожни (покосы) в низких сырых местах около озер и речек, где растет главным образом осока' (Новг), *вадога* 'зарастающее лесом болото' (Карел), 'высыхающее болото, заросшее лесом' (Олон) [СРНГ 4, 12]), а на территории Русского Севера преимущественно как гидрографический (*ва́дега* 'глубокое спокойное место между перекатами на реке', 'прямой участок русла реки, плес', 'проток, рукав реки', 'омут, яма в реке', 'топкое место на болоте', 'заливной луг'). Слово сопоставляется с фин. *vataja* 'сырая, низменная невозделанная земля, поросшая травой, кустарником или молодым ельником', 'естественный луг или болото, поросшее чахлым сосновым лесом', 'промежуток между болотом и землей', 'плохой лес с чахлыми деревьями', 'иногда заливаемое водой земельное угодье или луговая площадь', 'большая равнина', 'большое водное пространство', 'место с медленным течением или без течения, плес', 'подобное озеру или заливу спокойноводное расширение в реке или ручье (например, выше плотины или ниже порога)', 'направление, сторона', карел. южн., ливв. *vadaja* 'куст с тонкими побегами', 'густой широкий куст' [SKES, 1672–1673]⁷². Вообще разработка вопроса о семантическом расхождении современных и существовавших ранее на Русском Севере финно-угорских языков может быть очень продуктивна и нуждается в дальнейших исследованиях.

Говоря о семантических отличиях *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* от предполагаемой производящей основы (~ приб.-фин. гнезду *pinta*), следует иметь в виду включенность в семантику слова словообразовательного значения суффикса -с. Если предполагать отыменное образование, то в суффиксе можно видеть реализацию финно-пермского **ks*, который выражает широкую гамму отношений смежности и подобия (по предназначению, местонахождению, функции, материалу и т. д.), ср., напри-

⁷² Этимологию см.: Муллонен И. И. Вепская ландшафтная терминология в гидронимии бассейна р. Ояты // Советское финно-угроведение. 1983. № 2. С. 101–102.

мер: фин. *alus* 'основание' – *ala-* 'нижний', *hius* 'волос' – *hipiä* 'человеческая кожа', *jalas* 'полоз' – *jalka* 'нога', *sormus* 'кольцо' – *sormi* 'палец', вепс. *kivez* 'грузило' – *kivi* 'камень', ижор. *pālüz* 'верхняя часть' – *pā* 'голова', водск. *kagluž* 'воротник' – *kagla* 'шея' и др.⁷³ Тот же суффикс отмечен и в отглагольном образовании, в котором среди многих имеет значение результата действия, объекта действия, ср. фин. *katos* 'крыша' – *kattaa* 'покрывать', *vastaus* 'ответ' – *vastata* 'отвечать'⁷⁴, *panos* 'взнос', 'заряд' – *panna* 'класть', 'положить', *teos* 'изделие' – *tehdä* 'делать', *jatkos* 'надставка', 'добавка' – *jatkaa* 'продолжать', 'удлинять', *kaivos* 'рудник', 'шахта', 'ров' – *kaivaa* 'рыть', 'копать'⁷⁵, *rakennus* 'здание' – *rakentaa* 'строить'⁷⁶. Продолжения суффикса **kz* помимо прибалтийско-финских представлены в волжских и пермских языках⁷⁷. Учитывая семантику фин. *pinta* и соответствий для отыменного образования на -s, нужно предполагать значения 'нечто, подобное поверхности', 'нечто, ставшее поверхностью, верхним слоем', 'нечто, находящееся на поверхности, под поверхностью', для отглагольного словообразования – 'нечто, поднявшееся к поверхности', 'нечто, вышедшее на поверхность', 'нечто, образовавшее или приобретшее поверхность'. В отношении к *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус* речь, прежде всего, может идти для тельмографических значений о подземных водах, вышедших на поверхность земли, или о растительном, моховом покрове, которым зарастает родник, ключ, озеро; для значения 'глубокое место на реке' – о поверхностном слое воды, отличающемся отсутствием течения, 'мель, остров на реке' – о дне, поднявшемся в результате намыва близко к поверхности или над поверхностью.

Сопоставляя севернорусские лексемы с фин. *pinta* и его соответствиями, следует оговорить также фонетическое расхождение. Приводившиеся прибалтийско-финско-саамские данные позволяют реконструировать формы **pinnus*, **pindus* с вокализмом первого слога, отличным от *пéндус* / *пéнтус* / *пéнус*. Зафиксированные в русском *пíнус*, *пíндус* ввиду их распространения в том же ареале, скорее всего, следует рассматривать как вторичные образования на русской почве: ед. ч. *пéнус* > мн. ч. *пенусá* > мн. ч. *пинусá* > ед. ч. *пíнус*; ед. ч. *пéндус* > мн. ч. *пендусá* > мн. ч. *пиндусá* > ед. ч. *пíндус*. Таким образом, в соответствии с

⁷³ Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). С. 66.

⁷⁴ Там же. С. 69.

⁷⁵ Грамматика финского языка: Фонетика и морфология. М.; Л., 1958. С. 257–258.

⁷⁶ Там же. С. 262.

⁷⁷ См.: Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. Йошкар-Ола, 1966. Ч. 2. С. 18–20; Федюнова Г. В. О системе *z*-овых субстантивирующих суффиксов в пермских языках // Советское финно-угроведение. 1981. № 1. С. 17–25.

прибалтийско-финско-саамским *i* в русском мы находим *e*. Примеры такого соответствия приводит Я. Калима: рус. *képcra* 'гроб, могила' ~ фин. *kirstu* 'гроб', рус. *вѣрги* 'зарубки на деревьях' ~ люд. *virg* 'затеска на дереве', рус. *ветлюк* 'кулик' ~ люд. *vitlik* 'вальдшнеп' [Kalima 1919, 51]. Есть примеры и в топонимии: рус. *Веницы* ~ вепс. *Ving⁷⁸*, рус. *Керг-* ~ фин. *kirkko*, ливв., люд. *kirikkö*, эст. *kirik, kirk*, саам. шв. *kirko*, норв. *gir'ko* 'церковь'⁷⁹. В последнем случае, объясняя вокализм первого слога, А. К. Матвеев отмечает патс. *k'er⁸⁰kk⁴*, мар. *чѣрке* 'церковь'. В нашем случае можно обратить внимание на нот. *pēd⁸¹*, а также на удм. *ped: ped pal* 'наружная сторона' (*pal* 'сторона'), *pedlo* 'наружу', *pedlon* 'снаружи' [SKES, 570]. Удмуртские лексемы признаются родственными прибалтийско-финским в SKES, что впоследствии подвергается сомнению в SSA из-за несоответствия семантики [SSA 2, 370], ср., однако, фин., карел. *pintapuoli* 'наружная сторона' (*puoli* 'сторона') [KKS 4, 297; БФРС, 467]. Процесс расширения *i* известен волжским и пермским языкам, в которых приб.-фин. *i* нередко соответствует *e⁸⁰*. Это обстоятельство подтверждает предположение о том, что языки, из которых заимствовано *péndus / pénтус / пѣнус*, имели саамско-волжские черты.

Таким образом, на наш взгляд, сев.-рус. *péndus / pénтус / пѣнус* восходит к формам **pendus, *pennus* с общим значением 'поверхность', 'нечто имеющее отношение к поверхности' (родственным фин. *pinta* и т. п.), существовавшим в вымерших языках Русского Севера, промежуточных между прибалтийско-финскими, с одной стороны, и саамским, волжскими, с другой.

А. Л. Шилов
Москва

Некоторые вопросы интерпретации севернорусских диалект- тизмов

Данные заметки имеют целью проиллюстрировать некоторые из множества проблем, подчас возникающих при этимологизации севернорусских диалектных слов, для которых предполагается иноязычное происхождение.

⁷⁸ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 46.

⁷⁹ Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 419.

⁸⁰ Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). С. 210.